

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 9

30 января 2025 года

**О дисциплинарном производстве
в отношении адвоката
Г.
по жалобе адвоката К.**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя – адвоката К. и адвоката Г., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката К. от 04 сентября 2024 года (вх. № ... от 11.10.2024) в отношении адвоката Г. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 13 ноября 2024 года вынесла заключение о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О "двойной защите"» и разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 года «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» при наличии у К. защитника по соглашению – адвоката К. путем незаконного вступления 15 июля 2024 года в уголовное дело в отношении К. и других в качестве защитника последнего по назначению следователя и фрагментарного ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ.

Заявитель – адвокат К. в заседании Совета согласился с выводами заключения Квалификационной комиссии, пояснил, что не размещал через личный кабинет АИС АПМ заявление о защите по соглашению, поскольку о данных функциональных возможностях системы не знал. Негативные последствия для К. выразились в продлении срока его содержания под стражей свыше предельно допустимых на стадии предварительного следствия 18 месяцев. При этом у него на иждивении находятся 5 детей, из них 3 малолетних и 1 ребенок-инвалид, а жена также заключена под стражу по этому же уголовному делу. К. просит применить в отношении адвоката Г. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат Г. в заседании Совета подтвердил получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, не согласился с выводами Комиссии. Пояснил, что ему известны все «рекомендации» органов адвокатского самоуправления, критически высказался в отношении «избыточности», по его мнению, нормативных требований, предъявляемых к защитникам по назначению в уголовных делах. Заявил, что является очень опытным адвокатом и в ходе общения со следователем убедился, что адвокат К. был надлежащим образом уведомлен о необходимости явки в следственный орган. В обстоятельствах и причинах неявки адвоката К., сообщенных ему следователем, он усмотрел некоторую недобросовестность со стороны адвоката К. по отношению к следователю как участнику уголовного судопроизводства. В настоящее время считает, что правильным алгоритмом его поведения было бы вступить в уголовное дело, представив ордер следователю, но не приступать к ознакомлению с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ до конфиденциального свидания с подзащитным. Тем не менее, настаивает на том, что не допустил нарушения в виде «двойной защиты».

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

06 февраля 2023 года СД МВД России возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по которому 15 февраля 2023 года в качестве подозреваемого в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, задержан К. Ему было предъявлено обвинение, и 16 февраля 2023 года избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Предельный для стадии досудебного производства 18-месячный срок содержания К. под стражей истек 15 августа 2024 года. Защиту К. по соглашению с 30 марта 2023 года на основании соглашения осуществлял адвокат К., представивший Ордер от 30 марта 2023 года № В целях завершения предварительного расследования 04 июля 2024 года из уголовного дела № ... было выделено уголовное дело № ...

08 июля 2024 года в следственном изоляторе следователем с участием обвиняемого К. и его защитника – адвоката К. составлен протокол об окончании предварительного следствия, предусмотренный ст. 215 УПК РФ. При этом обвиняемый К. заявил ходатайство об ознакомлении с материалами уголовного дела и вещественными доказательствами как совместно с защитником – адвокатом К., так и отдельно. Как следует из графика ознакомления, к ознакомлению с уголовным делом К. приступил с 10 июля 2024 года.

12 июля 2024 года следователем направлена телефонограмма адвокату К. с уведомлением о возможности ознакомления с материалами уголовного дела в подшитом и пронумерованном виде с 10 июля 2024 года. Адвокат К. в переписке в мессенджере WhatsApp подтвердил получение этого уведомления, сообщив следователю о своем заболевании и наличии открытого листка нетрудоспособности с 12 по 17 июля 2024 года.

12 июля 2024 года следователем К. в АИС АПМ размещена заявка № ..., которая была распределена адвокату Г. Последний вступил в уголовное дело 15 июля 2024 года, предъявив ордер от 15 июля 2024 года № 23. В постановлении следователя от 15 июля 2024 года о назначении обвиняемому К. защитника было указано на наличие сведений о невозможности явки защитника по соглашению – адвоката К. в течение 5 суток для участия в процессуальных действиях, выводов о фактах злоупотребления правом на защиту в постановлении не содержалось. В тот же день в следственном изоляторе следователем З. от имени обвиняемого К. было составлено заявление о разъяснении ему предусмотренного ч. 3 ст. 50, ч. 4 ст. 215 УПК РФ права пригласить другого защитника вместо адвоката К. и о его нежелании этим правом воспользоваться.

Адвокат Г. 15 июля 2024 года явился в СД МВД России и, не проведя с обвиняемым К. конфиденциальной беседы, не выяснив его отношения к своему вступлению в уголовное дело в качестве его защитника, не связавшись с защитником по соглашению – адвокатом К., в период с 10.00 час. до 10.15 час. ознакомился с томом № 4, состоящим из 243 листов. В иных процессуальных действиях по уголовному делу адвокат Г. не участвовал, обвиняемого К. в следственном изоляторе не посещал, в судебном заседании по вопросу продления содержания К. под стражей участия не принимал.

17 июля 2024 года адвокат К. в мессенджере Whatsapp уведомил следователя о своем выздоровлении и готовности приступить к ознакомлению с материалами уголовного дела, которое фактически было с ним начато 23 июля 2024 года.

Московским городским судом 12 августа 2024 года обвиняемому К., защиту которого в судебном заседании, с согласия К., осуществлял адвокат Г., срок содержания под стражей по уголовному делу был продлен на 03 месяца, до 15 ноября 2024 года. Сторона защиты просила отказать в удовлетворении ходатайства следователя, ссылаясь на нарушение требований ч. 5 ст. 109 УПК РФ, так как материалы оконченого

расследованием уголовного дела были представлены защитнику – адвокату К. только 23 июля 2024 года, а должны были быть представлены не позднее 15 июля 2024 года. Однако суд отказал в удовлетворении этого ходатайства защиты и удовлетворил ходатайство следователя о продлении срока содержания К. под стражей.

Заявителем – адвокатом К. выдвинуто против адвоката Г. дисциплинарное обвинение в выполнении 15 июля 2024 года при описанных обстоятельствах функций «защитника-дублера» при наличии у К. защитника по соглашению – адвоката К.

Оценивая выдвинутое дисциплинарное обвинение и профессиональное поведение адвоката К., Совет исходит из следующего.

В силу п. 10.2 Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года (Протокол № 4), на адвоката, которому адвокатской палатой распределено поручение о назначении защитника, возлагаются обязанности принять меры по информированию в разумный срок судьи о принятом поручении в целях согласования организационных и иных вопросов, прибыть к месту проведения судебного заседания в установленный срок, убедиться в отсутствии обстоятельств, исключающих или препятствующих его участию в производстве по данному уголовному делу в качестве защитника, и вступить в уголовное дело.

Согласно пп. «а» и «в» п. 4 и п. 7 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года) в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих поручению на защиту или исключающих участие данного защитника в производстве по уголовному делу, а также адвокат обязан уведомить о своем участии в деле иных адвокатов подзащитного при их наличии. Согласно п. 7 того же Стандарта адвокат обязан уведомить о своем участии в деле иных адвокатов подзащитного при их наличии.

Частью 3 ст. 50 УПК РФ установлено, что в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. Частью 4 ст. 215 УПК РФ установлено, что в случае невозможности избранного обвиняемым защитника явиться для ознакомления с материалами уголовного дела следователь по истечении 5 суток вправе предложить обвиняемому избрать другого защитника или при наличии ходатайства обвиняемого принимает меры для явки другого защитника.

В п. 4 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской

Федерации от 28 ноября 2019 года) указано: «Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан удостовериться в его надлежащем уведомлении в установленный законом срок и потребовать копию процессуального решения, в котором надлежащим образом мотивировано назначение адвоката в порядке статей 50, 51 УПК РФ при наличии защитника по соглашению».

В п. 1 Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 года «О "двойной защите"» (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 года) указано на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублёров, то есть, при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «Предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими полномочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)...».

В п. 2, 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 года по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано, что недопустимо осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 настоящих Разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе, продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведён от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в

деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы подчёркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ, именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в Постановлении от 17 июля 2019 года № 28-П, и Пленума Верховного Суда Российской Федерации – в Постановлении от 30 июня 2015 года № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть, направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

В пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката содержатся требования о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Вопреки несостоятельному мнению адвоката Г. о «рекомендательном» характере перечисленных решений органов адвокатского самоуправления, их надлежащее исполнение является его профессиональной обязанностью, предусмотренной подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет неоднократно обращал внимание на то, что в соответствии со смыслом и содержанием ст. 48 Конституции Российской Федерации, ст. 49, 50 и 51 УПК РФ в их системе взаимосвязи, защита по назначению является субсидиарным способом оказания юридической помощи обвиняемому (подозреваемому) по отношению к защите по соглашению. Произвольная (по договоренности между участниками судопроизводства либо по усмотрению органа или должностного лица, осуществляющего производство по делу) организация «гибридного» осуществления защиты одного лица одновременно защитником по соглашению и защитником по назначению недопустима, поскольку противоречит законодательно установленному порядку организации защиты. Назначение защитника при наличии у обвиняемого (подозреваемого) защитника по соглашению допустимо лишь в двух случаях: когда недобросовестные действия обвиняемого и (или) его защитника по соглашению приводят к срыву и дезорганизации судопроизводства или, когда участвующий в деле защитник по соглашению не может принять участие в процессуальном действии в течение пяти суток.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Г. не только достоверно знал о наличии у К. защитника по соглашению – адвоката К., но и произвел самостоятельную оценку действий защитника К. по соглашению – адвоката К. как «недобросовестного поведения по отношению к следователю». Кроме того, адвокат Г. ошибочно, без учета изложенных выше требований ч. 4 ст. 215 УПК РФ, посчитал, что соблюдение предусмотренного ч. 3 ст. 50 УПК РФ пятисуточного срока, который по состоянию на 15 июля 2024 года не истек, было бы необходимо только в случае отказа обвиняемого К. от своего защитника. Вместе с тем, адвокат Г. не исполнил свою профессиональную обязанность выяснить в ходе конфиденциального общения с К. отношение последнего к своему назначению его защитником, обеспечить точную и недвусмысленную фиксацию позиции К. по этому вопросу, оказав, при необходимости, юридическую помощь в ее формулировании, а также обязанность связаться с защитником К. по соглашению и выяснить у него все необходимые обстоятельства. Лишь после выполнения этих обязанностей адвокат Г. мог и должен был принять решение об участии в каких-либо процессуальных действиях по делу.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

При этом Совет подчеркивает, что правом квалификации действий защитника по соглашению как недобросовестного поведения в

рассматриваемой ситуации обладал, при наличии оснований для этого, только следователь, который такой оценки не дал и не указал на конкретные факты поведения защитника по соглашению, нарушающего конституционные права других участников судопроизводства и ведущего к дезорганизации судопроизводства. Однако адвокат Г., не исполнив свои профессиональные обязанности и самостоятельно оценив поведение адвоката К. как недобросовестное, принял решение участвовать в процессуальных действиях по ознакомлению с материалами уголовного дела, которое при этом носило фрагментарный характер, не выяснив позицию обвиняемого К.

Такое профессиональное поведение адвоката Г. в совокупности с его приведенными выше объяснениями свидетельствует о незнании и непонимании им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и обязательных требований, содержащихся в решениях органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции.

Помимо этого, Совет отмечает, что употребление адвокатом Г. в объяснениях от 17 октября 2024 года выражений «ссучился», «настучал на коллегу», «адвокат-соглашенец», «впервые на меня стучат в Адвокатскую Палату», «подстава», «адвокат-БС» в адрес адвоката К. вступает в явное противоречие с требованиями профессиональной этики адвоката.

При этом незнание и непонимание адвокатом Г. указанных обязательных требований, равно как и его отношение к ним как к «избыточным», не освобождает его от ответственности за допущенные нарушения, а, напротив, усугубляет его вину.

Наконец, Совет вновь напоминает, что размещение защитниками по соглашению заявления о принятой защите в соответствующем разделе личного кабинета адвоката в АИС АПМ способствует своевременному оповещению об этом назначаемых по заявкам адвокатов, облегчая выявление возможных нарушений со стороны дознавателя, следователя и суда, и препятствий для вступления назначенного защитника в дело. При этом необходимо учитывать то, что согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката на факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей, распространяются правила сохранения профессиональной тайны, что требует от адвоката соответствующего согласования с доверителем вопроса о размещении информации в АИС АПМ с учетом складывающейся в конкретном деле ситуации.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об умышленном и злостном игнорировании адвокатом обязательных правил вступления в уголовное дело в качестве защитника по назначению следователя, а также запрета на осуществление «двойной защиты», а также повлекший нарушение прав доверителя. Тяжесть нарушения, совершенного адвокатом Г., выразилась в демонстративном игнорировании практически

всей совокупности требований к адвокату, вступающему в защиту по назначению, и в самовольном подмене верных критериев, которыми он должен был руководствоваться, ложными.

Подобное профессиональное поведение адвоката Г. Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает его возраст и длительный (с 1989 года) стаж адвокатской деятельности, а также то, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Г. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также считает необходимым указать адвокату Г. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности адвоката постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Г. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О "двойной защите"» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 года «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» при наличии у К. защитника по соглашению – адвоката К. путем незаконного вступления 15 июля 2024 года в уголовное дело в отношении К. и других в качестве защитника последнего по назначению следователя и фрагментарного ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков